

DOI 10.35775/PSI.2025.74.9.005

УДК 32.327

Е.О. КИРЕЕВА

аспирант МГИМО МИД России,

Россия, г. Москва

E-mail: katya.kireeva.1996@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ ГИБРИДНЫХ УГРОЗ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КЕЙСА ПРИДНЕСТРОВЬЯ В 2025 ГОДУ

Статья рассматривает феномен гибридных угроз на примере энергетического кризиса в Приднестровской Молдавской Республике, возникшего в январе 2025 года. Анализируются механизмы формирования предпосылок гибридной агрессии, включающие экономическое давление, информационные операции, дипломатическое воздействие и создание условий для потенциального силового сценария. Исследование базируется на комплексном анализе событий, связанных с прекращением поставок российского газа через территорию Украины и последующими социально-экономическими последствиями для непризнанной республики. Особое внимание уделяется роли внешних акторов в формировании кризисной ситуации и методам противодействия гибридным угрозам.

Ключевые слова: гибридные угрозы, Приднестровье, энергетический кризис, информационная война, экономическая блокада, геополитическое противостояние.

Введение. Современная система международных отношений характеризуется фундаментальной трансформацией традиционных форм конфликтного взаимодействия и появлением принципиально новых механизмов воздействия на государства и регионы. В условиях глобализации и технологического прогресса классические модели межгосударственного противостояния уступают место более сложным и многомерным формам принуждения, объединяющим военные, экономические, информационные, дипломатические и социальные инструменты влияния.

Гибридные угрозы представляют собой комплексное многофакторное явление, сочетающее элементы конвенциональных и нетрадиционных методов принуждения, направленных на достижение стратегических политических целей без открытого применения военной силы [1. С. 87-120]. Концептуальные основы гибридной войны впервые были сформулированы в военных доктринах США и Великобритании в конце XX века, где данный термин определялся как «захват и подчинение территории с помощью масштабных, стремительных информационных, электронных и кибер-операций, прикрытия и сокрытия военных и разведывательных действий, проходящих в сочетании с интенсивным экономическим давлением» [4. С. 36-47].

Эволюция гибридных технологий воздействия отражает адаптацию государственных и негосударственных акторов к изменяющимся условиям

международной среды, где прямое военное столкновение становится экономически нецелесообразным и политически неприемлемым. Современные гибридные угрозы характеризуются высокой степенью координации между различными сферами воздействия, использованием формально легитимных механизмов для достижения политических целей и размыванием границ между состоянием мира и войны.

События, развернувшиеся в Приднестровской Молдавской Республике в начале 2025 года, демонстрируют классический пример формирования предпосылок для реализации комплексного гибридного сценария воздействия. Энергетический кризис, поразивший непризнанную республику в январе 2025 года, стал результатом сложного переплетения геополитических трансформаций, экономических дисбалансов и технических ограничений, создавших критическую ситуацию для функционирования всей региональной системы жизнеобеспечения.

Триггером кризиса стало стратегическое решение Украины о прекращении транзита российского газа через свою территорию с 1 января 2025 года, принятое в контексте продолжающегося военного конфликта с Российской Федерацией. Одновременно отказ Молдовы урегулировать накопившиеся долговые обязательства перед российским «Газпромом», достигшие 709 миллионов долларов, создал дополнительные препятствия для поиска альтернативных схем энергообеспечения региона [2. С. 4357-4366]. Критическая зависимость Приднестровья от российских энергоресурсов, составлявшая более 90% от общего энергобаланса, превратила энергетический вопрос в мощный инструмент политического давления и экономического принуждения.

Структурные особенности приднестровского конфликта – непризнанный статус республики, территориальный спор с Молдовой, присутствие российских миротворцев и сложная система внешних гарантий безопасности – создали уникальные условия для апробации различных инструментов гибридного воздействия. Географическое положение региона на пересечении европейских и евразийских транспортных коридоров, его роль в региональной энергетической системе и символическое значение как «форпоста России» в Восточной Европе превратили Приднестровье в полигон для отработки технологий комплексного принуждения.

Актуальность исследования обусловлена фундаментальной необходимостью понимания механизмов формирования и развития гибридных угроз в условиях современных геополитических реалий, характеризующихся нарастанием международной напряженности и эрозией традиционных институтов глобальной безопасности. Изучение приднестровского кейса позволяет выявить закономерности трансформации локальных противоречий в инструменты широкомасштабного геополитического противостояния.

Приднестровский случай представляет уникальную исследовательскую возможность проанализировать полный спектр инструментов гибридного воздействия в их взаимосвязи и развитии – от систематических информационных

операций и кибератак до экономической блокады и энергетического шантажа, от дипломатического давления и международной изоляции до создания предпосылок для потенциального силового сценария разрешения территориального спора [3. С. 5-13]. Комплексный характер воздействия на непризнанную республику демонстрирует современные возможности координации различных инструментов принуждения в рамках единой стратегии.

Научная новизна исследования заключается в анализе гибридных угроз через призму конкретного регионального кризиса, позволяющего проследить последовательность формирования предпосылок, механизмы их активации и динамику развития кризисной ситуации. Энергетический кризис в Приднестровье представляет собой live-кейс реализации гибридного сценария, что создает возможность для изучения эффективности различных методов воздействия и способов противодействия им.

Практическая значимость работы определяется потребностью в разработке эффективных механизмов выявления, анализа и нейтрализации гибридных угроз на ранних стадиях их формирования. Опыт Приднестровья может быть экстраполирован на другие регионы со сходными структурными уязвимостями, что делает результаты исследования применимыми для совершенствования систем национальной и региональной безопасности.

Методология исследования. Исследование основано на комплексном подходе к анализу гибридных угроз, включающем изучение документальных источников, официальных заявлений представителей различных сторон конфликта, аналитических материалов и экспертных оценок. Использовались методы системного анализа, позволяющие рассмотреть взаимосвязь различных компонентов гибридной стратегии, а также сравнительный анализ для выявления общих закономерностей в применении гибридных технологий.

Эмпирическую базу исследования составили материалы о развитии энергетического кризиса в Приднестровье, включая хронологию событий, реакцию различных акторов и анализ последствий. Особое внимание уделялось изучению механизмов раннего предупреждения гибридных угроз, разработанных молдавскими неправительственными организациями [5. С. 32-36].

Теоретическую основу исследования составляют концепции гибридной войны, разработанные в военных документах США и Великобритании в конце XX века, а также современные подходы к пониманию гибридных угроз как комплексного явления, включающего экономические, информационные, дипломатические и потенциально военные компоненты [4].

Результаты и обсуждение. Анализ событий в Приднестровье в 2025 году позволяет выделить ключевые предпосылки формирования гибридных угроз и механизмы их реализации. Энергетический кризис, начавшийся 1 января 2025 года, стал кульминацией длительного процесса создания условий для комплексного давления на непризнанную республику, демонстрируя классическую модель реализации гибридного сценария воздействия.

Структурные предпосылки гибридных угроз формировались на протяжении десятилетий. Первой и наиболее критической предпосылкой являлась энергетическая зависимость региона от российских поставок. Молдавская ГРЭС, обеспечивающая электричеством не только Приднестровье и Молдавию, но и ранее поставлявшая энергию в Украину, Румынию и Болгарию, функционировала исключительно на российском газе [2]. Зависимость региона от внешних энерго-ресурсов превышала 90%, что создавало структурную уязвимость критического масштаба.

Накопление долговых обязательств представляло вторую фундаментальную предпосылку формирования гибридных угроз. Непризнанная республика фактически прекратила расчеты за поставляемый газ с 2009 года, что привело к образованию задолженности перед «Газпромом» в размере свыше 9 миллиардов долларов к 2024 году [11; 12; 14; 15]. Параллельно официальный долг Молдовы составлял около 709 миллионов долларов, хотя международный аудит признал за Кишиневом лишь 8,6 миллионов долларов задолженности. Такая дисбалансная финансовая архитектура создавала формальные основания для прекращения поставок и политического маневрирования.

Геополитическая трансформация региональной системы безопасности после начала специальной военной операции России на Украине сформировала третью критическую предпосылку. Специальная военная операция необратимо изменила европейскую архитектуру безопасности и оказала значительное влияние на судьбы государств Черноморского региона, погрузив мир в новую волну гибридных вызовов и угроз [3]. Украина приняла стратегическое решение о прекращении транзита российского газа через свою территорию с 1 января 2025 года, что непосредственно затронуло энергобезопасность Приднестровья.

Дипломатическая изоляция непризнанной республики создавала дополнительные структурные предпосылки для реализации гибридного сценария. Отсутствие международного признания ограничивало возможности Приднестровья по поиску альтернативных поставщиков энерго-ресурсов, заключению международных соглашений и получению внешней поддержки. Одновременно международные структуры, включая ЕС и ООН, фактически поддерживали позицию Молдовы в территориальном споре, что усиливало изоляцию региона.

Информационная составляющая гибридных угроз проявилась в систематическом распространении дезинформационных нарративов и психологических операциях. После 24 февраля 2022 года на территории Молдовы было зафиксировано 245 случаев ложных предупреждений о бомбах, что порождало панические настроения и массовое недовольство, способствуя дестабилизации общества и дискредитации возможностей государственных учреждений по обеспечению безопасности [11; 12; 14; 15]. Эти акции носили системный характер и были направлены на разжигание ненависти и недоверия среди граждан.

Кибернетическое измерение гибридных угроз включало массированные атаки на информационные системы государственного значения. Согласно

данным Службы информационных технологий и кибербезопасности Молдовы, целями атак выступили около 80 информационных систем, платформ и публичных порталов. Такого рода наступления носили комплексный, многовекторный характер с изменяющейся интенсивностью, что указывало на их координированную природу и профессиональный уровень исполнения [3].

Медийная война как компонент гибридной стратегии реализовывалась через сеть средств массовой информации с прокремлевской редакционной политикой, которые продолжали продвигать идею о насаждении в Молдове русофобских настроений. Продвижение фейковых, манипуляционных и дезинформирующих нарративов стимулировало поддержку созданного Россией представления о правоте ее действий в противостоянии Западу [3]. Противодействие этим информационным операциям включало блокировку сайтов, распространявших ложную информацию и подстрекательства к ненависти, по требованию Службы информации и безопасности Республики Молдова.

Экономическое принуждение как ключевой элемент гибридной стратегии включало не только энергетическую блокаду, но и торгово-экономические ограничения. Планируемая отмена режима автономных преференций торговли для предприятий-экспортеров Приднестровья с ЕС должна была создать дополнительное экономическое давление [8]. Требования допустить на территорию республики молдавских экспертов, инспекторов и налоговиков фактически означали отказ от экономического суверенитета в обмен на сохранение торговых связей с европейскими рынками.

Формирование внутренних деструктивных элементов представляло собой долгосрочный компонент гибридной стратегии. Создание разветвленной сети неправительственных организаций, декларирующих благие цели, но в критический момент активизирующихся для дестабилизации ситуации, является характерной чертой современных гибридных операций [4]. Финансирование зарубежными грантами НКО, целью которых становилась дискредитация идеи приднестровской государственности, создавало внутренние предпосылки для социальной дестабилизации и формирования «пятой колонны».

Энергетический кризис продемонстрировал высокую эффективность экономических методов принуждения в достижении политических целей. В первый день прекращения поставок газа при температуре в Тирасполе 1°C были отключены от отопления 131 школа, 147 детских садов и 130 административных зданий [11; 12; 14; 15]. Это немедленно создало гуманитарную проблему, затронувшую наиболее уязвимые категории населения – детей и работников социальной сферы.

Промышленный сектор региона был парализован практически мгновенно. К 2 января 2025 года все промышленные предприятия Приднестровья остановили свою деятельность из-за нехватки энергоресурсов, что привело к массовым увольнениям и резкому ухудшению экономической ситуации [2]. Многие предприятия региона были переориентированы на газовое топливо в своих

производственных циклах и оказались без альтернативных энергоисточников, что усугубило кризисную ситуацию.

Система энергообеспечения населения подверглась критической деформации. Веерные отключения электроэнергии, начавшиеся 3 января 2025 года, первоначально составляли 4 часа в различных населенных пунктах с 18:00 до 22:00, но уже к 4 января продолжительность отключений увеличилась до 8 часов в сутки [2]. Это создавало критические условия для жизнеобеспечения населения в зимний период, когда температура воздуха опускалась ниже нуля.

Медицинские последствия кризиса проявились в росте заболеваемости и чрезвычайных ситуациях. Министерство здравоохранения Приднестровья зафиксировало значительный рост обращений с симптомами простудных заболеваний, а также случаи отравления угарным газом из-за использования населением альтернативных источников отопления [11; 12; 14; 15]. Эти данные указывали на прямую угрозу жизни и здоровью мирного населения в результате энергетического кризиса.

Реакция различных международных акторов на кризис демонстрировала высокую степень координации действий в рамках единой гибридной стратегии. Позиция властей Приднестровья характеризовалась обвинениями в адрес Украины в преднамеренном прекращении транзита газа и объявлении «энергетической блокады». Глава республики Вадим Красносельский заявлял, что «Украина, прекратив транзит российского газа, фактически объявила нам энергетическую блокаду. Это решение усугубляет гуманитарную катастрофу в регионе и угрожает жизни сотен тысяч людей» [11; 12; 14; 15].

Молдавские власти реализовывали двойную стратегию, сочетающую предложения гуманитарной помощи с настаиванием на политических условиях. Еще в декабре 2024 года молдавское правительство предложило конкретные шаги по предупреждению кризиса: 11 декабря – приобретение газа на Румынской товарной бирже, 20 декабря – поставки газа, закупленного Energosom, на Молдавскую ГРЭС для производства электроэнергии, 31 декабря – тестирование трансбалканского маршрута для импорта газа из Болгарии [2]. Однако «Тираспольтрансгаз» отказался от сотрудничества, что использовалось для обвинений в нежелании решать проблему.

Позиция Европейского Союза демонстрировала координированный подход к кризису через создание совместной с Молдовой рабочей группы и предложение финансовой помощи. 27 января 2025 года ЕС предложил Молдавии пакет экстренной помощи на сумму 30 миллионов евро для преодоления энергетического кризиса в непризнанном Приднестровье [2]. Однако эта помощь предполагала определенные политические условия, включая принятие европейских стандартов и норм, что фактически превращало гуманитарную помощь в инструмент политического давления.

Российская позиция в отношении кризиса характеризовалась стремлением к этичному разрешению гуманитарной катастрофы и противодействием координированным гибридным угрозам со стороны западной коалиции. Российские

власти квалифицировали ситуацию с газоснабжением в Приднестровье как результат целенаправленной гибридной агрессии, инициированной Молдавией, Украиной, США и странами Европы в рамках единой стратегии давления на российские интересы в регионе [11; 12; 14; 15]. Представительница МИД РФ Мария Захарова охарактеризовала прекращение поставок газа в Приднестровье как «проявление неонацизма», подчеркнув антигуманный характер действий западной коалиции и их направленность против мирного населения. Россия выступила в качестве потерпевшей стороны комплексного гибридного воздействия, демонстрируя готовность к предоставлению гуманитарной поддержки населению Приднестровья вопреки искусственно созданным препятствиям. Этическая составляющая российского подхода проявилась в приоритете гуманитарных соображений над геополитическими интересами, что контрастировало с инструментальным использованием человеческих страданий западными акторами для достижения политических целей в рамках реализации гибридного сценария воздействия.

Украинская позиция сочетала формальное соблюдение суверенных прав с предложениями альтернативной помощи. Президент Украины Владимир Зеленский пообещал президенту Молдовы Майе Санду поставки угля для решения приднестровского энергетического кризиса и защиты пострадавшего населения [2]. Такой подход позволял Киеву демонстрировать озабоченность гуманитарной ситуацией, одновременно поддерживая решение о прекращении транзита газа.

Экспертное сообщество рассматривало энергетический кризис как потенциальную прелюдию к силовому сценарию. Политолог Владимир Шаповалов высказал предположение о возможном направлении Молдовой около 700 военнослужащих на Украину для получения боевого опыта, который впоследствии мог бы быть использован в потенциальной атаке на Приднестровье [6]. По мнению эксперта, «700 якобы добровольцев, которых направят на Украину, могут выступать в роли авангардного отряда, который будет набираться опыта для дальнейших действий в отношении Приднестровья» [11; 12; 14; 15].

Роль неправительственных организаций в создании системы противодействия гибридным угрозам заслуживает особого внимания. Молдавские НКО разработали комплексную «Модель предупреждения гибридной войны», включающую механизм раннего предупреждения для Республики Молдова [5]. В этом исследовании Приднестровье названо главным гибридным оружием РФ в регионе, что демонстрирует восприятие территориального конфликта через призму более широкого геополитического противостояния.

Предложенный НКО механизм предполагал мониторинг, анализ и интерпретацию кризисных индикаторов, связанных с тремя целями гибридной агрессии: контролем над населением, политическим руководством и территорией. Структурные категории анализа включали экономическую ситуацию, эффективность правительства, политическую стабильность, безопасность и региональную динамику [5]. Такой подход демонстрировал системное понимание природы

гибридных угроз и необходимость комплексного мониторинга различных сфер общественной жизни.

Практическая реализация системы противодействия гибридным угрозам предполагала создание агентства по противодействию гибридным угрозам или независимого аналитического центра с бюджетом на 10-12 человек персонала. Особое внимание уделялось созданию в Бюро реинтеграции подразделения по мониторингу и анализу информации, связанной с Приднестровьем [5]. НКО предлагалось осуществлять сбор данных о приднестровских военнослужащих, количестве призванных в армию, учениях и деятельности российских миротворцев.

Временные рамки развития кризиса указывали на его неслучайный и тщательно спланированный характер. Координация прекращения транзита газа с началом календарного года, когда потребность в отоплении максимальна, усиливала давление на население и создавала критические условия для жизнеобеспечения. Постепенное увеличение продолжительности веерных отключений от 4 до 8 часов создавало эффект нарастающего напряжения и формировало потенциал для социальной дестабилизации.

Международно-правовые аспекты кризиса выявили фундаментальную проблему идентификации гибридной войны на международно-правовом уровне [4]. Формально каждый из акторов действовал в рамках своих суверенных прав: Украина реализовывала право на прекращение транзита, Молдова – на отказ от урегулирования спорных долговых обязательств, ЕС – на предложение условной помощи. Однако совокупность этих формально легитимных действий создавала ситуацию, угрожающую безопасности и благополучию мирного населения.

Социально-экономические последствия кризиса демонстрировали высокую эффективность экономических методов принуждения в рамках гибридной стратегии. Остановка промышленных предприятий привела к массовым увольнениям, сокращению налоговых поступлений в бюджет и угрозе прекращения выплат пенсий и социальных пособий. Отключение отопления в социальных учреждениях создало прямую угрозу для наиболее уязвимых групп населения – детей и пожилых людей.

Психологическое воздействие кризиса проявилось в формировании атмосферы неопределенности, тревоги и социального напряжения среди населения. Веерные отключения электроэнергии, нехватка тепла в зимний период, остановка предприятий создавали ощущение катастрофы и безысходности [7. С. 17-24]. Это психологическое давление было направлено на подрыв доверия к местным властям и стимулирование протестных настроений, что соответствует классическим схемам реализации гибридных сценариев.

Адаптационные механизмы, выработанные в ходе кризиса, включали несколько направлений. Диверсификация энергоисточников реализовывалась через перевод Молдавской ГРЭС на угольное топливо, хотя запасов угля хватало лишь до конца января – середины февраля 2025 года [2]. Режим экономии энергоресурсов через систему веерных отключений позволил продлить

функционирование критически важной инфраструктуры. Мобилизация внутренних ресурсов включала использование альтернативных источников отопления населением, несмотря на связанные с этим серьезные риски для здоровья.

Роль России как гаранта безопасности Приднестровья в условиях гибридных угроз оказалась критически важной для предотвращения полного коллапса региона. Присутствие российских миротворцев сдерживало возможную эскалацию ситуации и переход от экономического давления к силовому сценарию. 15 января глава Приднестровья Вадим Красносельский сообщил о готовности России поставить газ в качестве гуманитарной помощи, что позволило частично стабилизировать кризисную ситуацию [2].

30 января 2025 года было подписано соглашение между АО «Молдовагаз» и ООО «Тираспольтрансгаз» о займе 3 миллионов кубометров природного газа для поддержания функциональности газовой системы левого берега Днестра [2]. Однако 10 февраля власти Приднестровья отказались принять от ЕС 60 миллионов евро на финансирование закупок газа, предпочтя воспользоваться российскими средствами, что демонстрировало политическую направленность выбора источников помощи.

Заключение. Анализ предпосылок гибридных угроз через призму кейса Приднестровья в 2025 году демонстрирует комплексный характер современных форм принуждения, сочетающих экономические, информационные, дипломатические и потенциально силовые компоненты. Энергетический кризис, поразивший непризнанную республику, стал результатом длительного процесса создания структурных уязвимостей и их последующего использования для политического давления.

Ключевыми предпосылками формирования гибридных угроз выступили критическая зависимость от внешних энергоресурсов, накопление долговых обязательств, геополитическая напряженность в регионе и дипломатическая изоляция. Эти факторы создали условия для реализации комплексной стратегии принуждения, направленной на подрыв суверенитета и принуждение к политическим уступкам.

Координированность действий различных акторов – Украины, Молдовы, ЕС – указывает на существование единой стратегии, направленной на создание критических условий для функционирования региона. Использование формально легитимных механизмов для достижения политических целей характеризует современные гибридные угрозы как сложное и многофакторное явление.

Эффективность противодействия гибридным угрозам зависит от способности выявлять их на ранней стадии, поддерживать внутреннюю стабильность и обеспечивать внешнюю поддержку. Опыт Приднестровья демонстрирует важность диверсификации источников энергоснабжения, развития адаптационных механизмов и поддержания международных связей с государствами-партнерами.

Приднестровский кейс подтверждает актуальность разработки международно-правовых механизмов противодействия гибридным угрозам и необходимость создания эффективных систем раннего предупреждения. Гибридные

угрозы представляют серьезный вызов для международной безопасности, требующий комплексного ответа со стороны международного сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Басова А.В.** Обеспечение защиты здоровья людей в период гибридных войн / А.В. Басова, Г.Н. Комкова // Права человека и гибридные войны. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2023. EDN GCQKNM.
2. **Бурикова И.С.** Гибридные войны как новый тип межгосударственной агрессии // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 12 (112). DOI 10.35775/PSI.2024.112.12.021. EDN ZDAKHL.
3. **Велиева Д.С.** Информационное противодействие гибридным угрозам и национальная безопасность России / ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. EDN SZPWKA.
4. **Велиева Д.С.** Отдельные направления международного противодействия проявлениям гибридных войн // Права человека и гибридные войны. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2023. EDN SFPWPU.
5. **Велиева Д.С.** Проблема идентификации гибридной войны на международно-правовом уровне // Права человека и гибридные войны. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2023. EDN QKFNSX.
6. Гибридные войны молдавских НКО // <https://np-inform.com/index.php/reportazhi/item/1822-gibridnye-vojny-moldavskikh-nko>.
7. **Дронов М.В.** Гибридная война как форма межгосударственных конфликтов // Закон и власть. 2023. № 4. EDN LZPPAH.
8. Евгений Шевчук: Главная проблема гибридных атак – распознать их // <https://rg.ru/2015/10/28/pridnestovie.html>.
9. **Ершов В.Н.** Обзор перспективных мер противодействия гибридным угрозам. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «СПБКО», 2023. EDN STMCGH.
10. Информационные войны в современном мире / Российский государственный социальный университет, филиал в г. Минске. Минск: Колорград, 2023. EDN PUZSQG.
11. Новый виток гибридных угроз в Молдове как одно из последствий войны России против Украины // <https://tvn.md/ru/novyj-vitok-gibridnyx-ugroz-v-moldove-kak-odno-iz-posledstvij-vojny-rossii-protiv-ukrainy/>.
12. Президент приднестровской молдавской республики Евгений Шевчук: гибридная война против Приднестровья – это часть войны против России // <https://camenca.gospmr.org/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/prezident-pridnestrovskoj-moldavskoj-respubliki-evgenij-shevchuk-gibridnaya-vojna-protiv-pridnestrovyia-eto-chast-vojny-protiv-rossii.html>.

13. **Фатеев С.В.** Гибридные угрозы в контексте национальной безопасности. Уфа: ООО «Омега сайнс», 2024. EDN TADTAK.
14. Эксперт предупредил об угрозе Приднестровью из-за войск Молдавии на Украине // <https://regnum.ru/news/3985023>.
15. Энергетический кризис как пролог к силовым действиям. Кто хочет расправиться с Приднестровьем // <https://ukraina.ru/20250110/1060189895.html>.

E.O. KIREEVA

Postgraduate, MGIMO University,
Moscow, Russia

PREREQUISITES FOR HYBRID THREATS THROUGH THE PRISM OF THE TRANSNISTRIAN CASE IN 2025

The article examines the phenomenon of hybrid threats through the case study of the energy crisis in the Pridnestrovian Moldavian Republic that emerged in January 2025. The mechanisms of forming preconditions for hybrid aggression are analyzed, including economic pressure, information operations, diplomatic influence, and creating conditions for a potential force scenario. The research is based on a comprehensive analysis of events related to the cessation of Russian gas supplies through Ukrainian territory and subsequent socio-economic consequences for the unrecognized republic. Special attention is paid to the role of external actors in shaping the crisis situation and methods of countering hybrid threats.

Key words: hybrid threats, Transnistria, energy crisis, information warfare, economic blockade, geopolitical confrontation.